«…Яйцо?» - недоверчиво подумал Лиам, яйцо торчало из какого-то мешочка и казалось совершенно целым. В его голове мелькнула идея, он собирался попытаться высидеть его, в лучшем случае он получил напарника-питомца, а в худшем — удобрение для своих растений.

Он никогда не пытался приручить животных этого мира, во-первых, это точно не было похоже на метод приручения из игры, где он должен вырубить животное и насильно кормить его любимой едой, пока он без сознания.

Во-вторых, большинство существ, по-видимому, хотели разорвать его на куски и заполучить в свой желудок, одним из редких исключений из этих правил был Тапир. Проблема была в том, что даже если бы ему удалось приручить одного из них, что было бы довольно легко.

Какой в этом был смысл? Если для того, чтобы использовать их в работе, как лошадей, то он был и сильнее, и быстрее их, так что это было бессмысленно, другим вариантом было использовать их в качестве источника пищи.

Для этого ему нужна была племенная пара, если не несколько, Но тогда он бы тратил время и ресурсы, которых у него на самом деле не было, на минимальную, если не отрицательную прибыль в течение длительного периода времени. И в обоих случаях ему придется защищать их 24/7, иначе они будут съедены хищником. Это просто не стоило того.

Однако в случае с Большой Аустрапедой, или птицей-росомахой, как назвал ее Лиам. Это того стоило, он может ненавидеть зверя, но он также уважал его, и было грустно оставлять яйцо здесь.

«Хотя это своего рода пиздец…» - заметил Лиам, он собирался вырастить детеныша после того, как убил его отца или мать. Обходя огромные когти, дрожь пробежала по его покрытому шрамами позвоночнику. Фантомная боль захлестнула его на долю секунды.

Он достал кинжал с клыком змееволка вместо лезвия и осторожно начал разрезать мешочек, внутренняя часть которого напомнила ему звуконепроницаемую пену, это объясняло, почему яйцо было целым. Приложив ладонь левой руки к гладкой яичной скорлупе, он сосредоточился на своем инвентаре.

Биология животных на этой луне никогда не переставала удивлять его.

Пока он ждал, пока яйцо размером с арбуз будет убрано в его инвентарь, он посмотрел на небо, и если бы его лицо не было залито кровью, можно было бы заметить быстрое побледнение его загорелой кожи.

Повсюду в небе он видел летающие черно-фиолетовые точки, это были стингбаты, они представлял собой рой из тысячи особей, и все эти рои образовали один большой, какого он никогда не видел. Настолько, что они заслонили солнце, и мир потемнел.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, почему это происходило, визг разбудил их, была середина дня, и эти гигантские летучие мыши-психопаты с мозгами размером буквально с горошину обычно летали на рассвете или в ранних сумерках.

"Черт!" он выругался, это было плохо, чрезвычайно плохо, и даже больше, учитывая, что две дюжины летучих мышей спикировали прямо на то место, где он был сейчас. Лиам внутренне подгонял скорость, с которой яйцо погружалось в инвентарь и стиснул зубы от усиливающейся головной боли.

Погружение в инвентарь было деликатным процессом, которому не способствовало то, что предмет, о котором шла речь, был размером с его туловище. В нем могли храниться живые существа, но только в том случае, если они были неразумны и неподвижны или если у него был доступ к криоподам.

Действовал ли он жадно и глупо? Может быть, вероятно, но он не хотел потерять яйцо, не после всего, что он перенес, это оставило бы неприятный привкус у него во рту.

Если он ничего не получит, то все его ранения будут ничего не стоить, это было бы потерей по всем пунктам. Он не хотел этого, он ненавидел проигрывать, как бы по-детски это ни звучало.

Один Стингбат чирикнул и безрассудно бросился на него, его пасть, полная острых зубов, была широко открыта, но он налетел на коготь, раздробив себе череп, и умер на месте. За ним последовал другой, на этот раз он ударил летучую мышь в голову, убив ее.

Влетел еще один, за ним еще двое, один завизжал рядом с его ушами, заставив недавно отросшую и чувствительную барабанную перепонку болезненно зазвенеть, этот парень пытался вцепиться когтями и укусить его бронированную спину, но их когти почти не оставляли царапин на бронзовой кирасе.

Яйцо, наконец, исчезло в его инвентаре, это заняло всего семь секунд, но этого времени у него на самом деле не было, и Лиам, вне себя от ярости, схватил мышь за верхние челюсти, не обращая внимания на небольшой порез, который он получил от похожих на иглы зубов, а затем он ударил ею по когтю позади себя, раздробив позвоночник и внутренности.

С окровавленным кинжалом в руке он перепрыгнул через огромную лапу Аустрапеды.

Он метнул кинжал, который держал в правой руке, в другую летучую мышь, силы броска все еще было достаточно, чтобы убить вторую, стоящую сзади, и покалечить последнюю, третью, при падении. Три мыши, один кинжал.

После этого он преодолел короткое расстояние между ним и ямой, которую он выкопал, чтобы подняться наверх. Оказавшись внутри, он оторвал деревянную опору и попятился, когда она рухнула, раздавив еще трех стингбатов и запечатав этот выход тяжелым облаком пыли.

Используя свой имплантат в качестве фонарика, он перебрался на другую сторону и запечатал себя на глубине 6 метров. Места было немного, но ему хватило, чтобы сесть, прислонившись спиной к деревянной балке.

Теперь, когда он был в безопасном месте, он проанализировал случившееся, это была полностью его вина, но в то же время это было не так, он не мог предсказать. Это также было напоминанием о том, что контроль, который, как он думал, у него был, оказался иллюзорным.

http://tl.rulate.ru/book/90465/2925345